

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Л43

Jean-Marie Gustave Le Clézio
L'AFRICAN

Copyright © Editions Mercure de France, 2004
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского *Н. Жуковой*

Оформление серии *К. Териной*

Дизайн переплета *А. Саукова*

Леклезлио, Жан-Мари Гюстав.

Л43 Африканец / Жан-Мари Гюстав Леклезлио ; [перевод с французского Н. Жуковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 128 с. — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий).

ISBN 978-5-04-106623-9

«Африканец» — это больше чем воспоминания о тех годах, которые Жан-Мари Гюстав Леклезлио провел в Африке, где его отец работал врачом. Это рассказ об истоках его мыслей, стремлений, чувств. Именно здесь, в Африке, будущий нобелевский лауреат почувствовал и в полной мере осознал, что такое свобода — бескрайняя, безграничная. Свобода, которую можно ощутить только на этом континенте, где царствует дикая природа, а люди не знают условностей.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-106623-9

© Жукова Н., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Всякий человек — плод его отца и матери. Родителей можно не признавать, не любить, сомневаться в них. И все-таки они в нас — с их лицами, жизненной позицией, жестами, пристрастиями, иллюзиями, надеждами, формой ладоней и пальцев ног, цветом глаз и волос, манерой говорить, мыслями. Возможно, с уже отмеренным сроком жизни. Все это, безусловно, передается нам.

Долгое время я представлял, что моя мать была чернокожей. Я придумывал себе историю, вымышленное прошлое, стараясь убежать от реальности после моего приезда из Африки в страну и город, где я уже никого не знал, которому стал чужим. Много позже, когда мой отец, уже в пенсионном возрасте, вернулся, чтобы жить с нами во Франции, я понял, что как раз он-то и был Африканцем. Принять это было трудно. Мне пришлось мысленно вернуться в прошлое, начать все заново, попытаться понять. В память о том времени и написана эта маленькая книжка.

ТЕЛО

О лице, которое я получил при рождении, мне есть что сказать. Прежде всего пришлось его принять. Заявить, что оно мне не нравилось, означало бы придать ему ту важность, которой оно не имело, когда я был ребенком. Я не ненавидел его, нет, просто игнорировал, избегал по возможности. Старался не смотреться в зеркало. Теперь мне кажется, что я не видел его годами. Разглядывая фотографии, я притворялся, что не замечаю его, отводил глаза, будто это был кто-то другой, случайно занявший мое место.

В возрасте примерно восьми лет я жил в Западной Африке, в глухом местечке Нигерии, где, кроме моих родителей, европейцев не было, а все человечество для меня, ребенка, каким я тогда был, состояло исключительно из представителей племен ибо и йоруба. Хижина, в которой мы поселились (слово «хижина» несет определенный «колониальный» оттенок и сегодня кажется странным, однако оно прекрасно характеризует казенное жилье, выделяемое английским пра-

вительством военным врачам), состояла из цементной плиты взамен пола, четырех сложенных из камня неоштукатуренных стен да выложенной пальмовыми листьями железной, без намека на декоративность, крыши. Гамаки, державшиеся на вделанных в стены крюках, исполняли роль кроватей. Единственной данью роскоши был душ, соединенный металлическими трубами с баком, который на крыше нагревался от солнца. В нашей хижине не имелось ни зеркал, ни картин, ничего, что напоминало бы о мире, в котором мы жили до сих пор. За исключением, пожалуй, распятия, повешенного отцом на стену, но и то было без человеческой фигуры. Именно там, в хижине, я овладел умением забывать. Мне кажется, что в момент, когда я переступил порог дома в Огодже, произошло «стирание» из моей памяти не только моего лица, но также и лиц всех, кто находился рядом.

Прямым следствием исчезновения лиц в это время явилось появление тел. Моего собственного, тел моей матери, брата, соседских мальчишек, с которыми я играл, африканских женщин на дорогах, вблизи дома, на рынке или возле реки. Статных женских тел, тяжелых грудей, кожи, лоснившейся на спинах, мальчишеских членов с обрезанными розовыми концами. Лица, конечно, присутствовали тоже, но только как подобие кожаных масок: задубевшие, испещренные шрамами и ритуальными насечками.

Выпуклые животы, шарики пупков, похожие на зашитые под кожу пуговицы. Был еще запах, и, главное, ощущение от прикосновений — кожа на ошупь не грубая, а теплая и легкая, покрытая тысячами волосков. От множества тел вокруг у меня создавалось впечатление особой, сокровенной близости, которой я не знал прежде: чего-то одновременно и нового, и хорошо знакомого, исключавшего всякий страх.

В Африке бесстыдство тел было великолепным. Оно давало простор, глубину, умножало ощущения, создавало вокруг меня людской водоворот. Это бесстыдство находилось в полной гармонии со страной ибо, с руслом реки Айя, деревенскими хижинами с их рыжеватыми крышами и стенами цвета земли. Оно искрилось в именах, которые впечатывались в меня, означая куда больше, чем просто названия мест: Огоджа, Абакалики, Энугу, Обуду, Батерик, Огруде, Обубра. Оно пропитало собой даже стены тропического леса, обступавшего нас со всех сторон.

В детстве не принято злоупотреблять словами (и они остаются незатасканными). Тогда я был очень далек от всяких там прилагательных и существительных. Я не мог не то чтобы произнести, но и помыслить о таких понятиях, как «великолепный», «огромный», «мощь». Зато был способен их воспринять. Ощутить силу, с которой высокие прямые стволы устремлялись к мрачному, смыкавшемуся над моей головой своду, вовле-

Жан-Мари Гюстав Леклезю

кая в него, точно в тоннель, кровавую брешь ла-теритовой дороги, ведущей из Огоджи в Обуду; с необыкновенной остротой почувствовать мощь и великолепие обнаженных, блестящих от пота тел на окраинах деревни, объемистых силуэтов женщин с висящими на их бедрах детьми, — все то, что образует единый, нерасторжимый ансамбль, лишенный всяческой лжи.

Фот. 2. На реке, Аоада (Нигерия)

Я хорошо помню наш приезд в Обуду: вынырнув из лесной тени, дорога напрямик уперлась в залитую солнцем деревню. Отец остановил машину: вместе с мамой он должен был переговорить с местными властями. Я остался один посреди толпы, но мне совсем не было страшно. Чьи-то руки касались меня, трогали за плечи, проводили по волосам, выбивавшим-

ся из-под полей шляпы. Среди тех, кто меня обступил, была одна старуха — тогда я еще не знал, что она старуха. Предполагаю, я догадался о ее возрасте потому, что она отличалась от голых детей и одетых более или менее по-европейски мужчин и женщин, которых я видел в Огодже. Когда мама вернулась (возможно, смутно встревоженная скоплением народа вокруг меня), я показал на эту женщину: «Что с ней? Она больна?» Помню эти вопросы, которые я тогда задал маме. Обнаженное тело женщины, состоявшее из складок и морщин и напоминавшее сброшенный чехол, дряблые длинные груди, свисавшие до живота, сморщенная, увядшая, сероватая кожа, — все это казалось мне странным и в то же время чем-то настоящим. Мог ли я представить эту женщину своей бабушкой? И я ощущал вовсе не ужас и жалость, а приязнь и интерес, — то, что обычно вызывает созерцание истины, живой реальности. И только вопрос: «Она больна?» и сейчас жжет меня; странно, словно все это было вчера. И не из-за ответа — возможно, обнадеживающего или немного смущенного — моей мамы: «Нет, она не больна, она — старая, только и всего». Старость, воплощенная в женском теле, особенно шокирует ребенка, поскольку во Франции, в Европе, в стране корсетов, нижних юбок, бюстгалтеров и комбинаций, женщины успешно спасаются от возрастной «болезни». У меня до сих пор горит